

Гуляй Волга

ГОРОД НАД ВОЛГОЙ

ОТРЫВОК ИЗ ПЬЕСЫ „ГУЛЯЙ ВОЛГА“

Разин, Пугачов — большая дорога народных движений. Ирмак — глухам тропа. О Разине, Пугачове, Булавине — горы материалов, о сибирском походе Ирмака — исторические сведения крайне скудны.

Романом своим «Гуляй Волга», перделанным в пьесу того же названия, я по мере сил пытался разрешить следующие задачи: 1) показать зарождение и быт русского пролетариата во второй половине XVI века; 2) развенчать славянофильские и идеалистические представления о покорении Сибири и походе ирмаковской дружины, который (поход) являлся по существу военно-промышленным предприятием торгового капитала, стремившегося завоевать восточные рынки; 3) далеко недостаточно отражена в современной литературе хищническая роль царских колонизаторов и отношении малых народностей нашего необъятного Севера.

О нужности темы говорить как будто не приходится: исторические романы, в которых «дела давно минувших дней» освещались бы с нашей точки зрения, можно перечислять по пальцам. Анатолий Франс прекрасно сказал: «Только рабы не помнят своей истории». Русский рабочий класс — класс-победитель — должен знать историю своей страны, историю своей борьбы, побед и поражений на всем протяжении веков.

А. ВЕСЕЛЫЙ

Над Волгой город, в городе торг. Лавки меховые с растянутыми на рогахках звериными шкурами, прилавки с сукнами и белеными холстами да межлавочья змежких купцов и ремесленников. Широкие скамьи завалены калачами, кренделями и подовыми маслинами пирогами. От рыбных палашей несет злой вонью, крутят носами и отплевываются проходившие именитые горжәне. Телеленькают на церквах колокола и колокольца. Крепкий хмель бродит в толпе.

Ряд шорный, ряд бондарный, ряд горшечный, ряд блинный. Бочки квасные, кочарги с говяжьими шами да киселями. Высоко излетают качели с хохочущими денками и парнями. Ребятишки на разные лады дуют в глиняные свистульки. Табуном валат нарядные девки, грызут сладкие рожки и щелкают орехи. Поводыри водят слепцов. Ползут калеки и нищие, голоса песни скорые и песни растяжные. До ушей перемазанный купороном чернилами подячий в долгополом оборванном собаками кафтани. Люду праздничного — не продохнуть.

(Бурлаки окружают зазевавшуюся девку).

БЕРСЕНЬ. (Сгреб ее). Ребятка, ведьму пымал.

ДЕВКА. Отынь, прод.

БЕРСЕНЬ. Ведьма.

ДЕВКА. Што ты, злыдень, напустился? Поди прочь. Я скорняка Балухина дочка.

БЕРСЕНЬ. Расскажи, орафачочка. Аля забыла, — выдалась мы с тобой в крепическую ночь на Зудиловой горе? (Пытается поцеловать ее).

Рис. К. Гольштейна.

— Эх, где наше не пропадало!

ДЕВКА. (Отбивается). Пусти, змей.

БУРЛАКИ. (Гогочут). Ведьма.

Ведьма. А ну, погляди, нет ли у ней хвоста?

БЕРСЕНЬ. (Завертывает юбки на голову и шлепает по румянному заду) Крещена.

(С баржи на берег сходит купец).

КУПЕЦ. Эй, оравушка, кто воровать боится, а работать не ленится, наймайся ко мне в службу.

(Бурлаки оглушают плачущую девушку и устремляются к купцу, снимая его шапку).

УГРЮМ. Велика ль путина?

КУПЕЦ. Ко дворам плыву, мы люди тверские.

(Бурлаки быстро переговариваются

шую к спине кашу, с'едает ее). Уу, облизень.

(Рядом переобувается костромской мужичонко с козлиной мордой и глазами полными печали).

КОСТРОМСКОЙ. (Старику). — Отколь бредете, старинушка?

СТАРИК. Из Калуги, родимый.

КОСТРОМСКОЙ. То-то, слышу, разговор у вас тихий да кроткий — наш расейский... А тутошный народ, господь с ним, буен и голосья у всех рыкающие.

СТАРИК. С Благословеньева для идом, отошали.

КОСТРОМСКОЙ. Далече?

СТАРИК. Куда глаза ведут...

КОСТРОМСКОЙ. Жива ль земля калужская?

СТАРИК. Не спрашивай, милостивец.

КОСТРОМСКОЙ. Туго?

СТАРИК. И-и-и, не приведи бог.

КОСТРОМСКОЙ. Голодно?

СТАРИК. Чего не голодно. Оков ржи пятнадцать алтын, овса оков десять алтын. Которые с семьями, помолясь, в Литву побрели.

КОСТРОМСКОЙ. Худо.

СТАРИК. А вы чьих земель будете?

КОСТРОМСКОЙ. Мы, отец, костромские... На низ идем, бурлаковать.

СТАРИК. Как у вас?

КОСТРОМСКОЙ. Глад и мор, мается народ.

По торгу идет сын боярский Пантелей Чупятый и потешается тем, что разбрасывает на все стороны польской чеканки серебряную и медную монету. Народ кидается за деньгами в драку-собаку, рыча, давая и калеча друг друга. Чупятый захлебывается смехом, щеки его мокры от слез.

черные медяки и кидают в бубен, о котором идет по кругу, кланясь, ученый медведь. Ватажка останавливается перед рыбной лавкой и из лад голосит.

Уж как купчине Ядреюшке.

славка...

Чадам и потомцам евоным

отца...

ЯДРЕЙ. (Выносит игроцам тухлого судака). На игрища вы люты, на дело име нет.

СЛАВКА ЯРЕЦ. (Нюхает рыбку). Тухлый. (Швыряет рыбку через голову купца в лавку) Сам жри.

Позоры всяко охальничают и поют орамные неси денки и бабы от лавочки и из всего рыбного ряда разбегаются. Кривой и косоротый мальчишка-глумец ухитряется поджечь Ядрею бороду, после чего ватажка, выиграв, со свистаньем и воплями движется дальше. На помосте палач сечет мужика. Кругом тесно стоит притихшая толпа. Иные валдыкают и со страху крестятся. Иные, чтобы умиловить палача, бросают на помост деньги. Кнут, расчесав мясо, с пристуком хлещет по костлявой спине. Запавшие бока мужичьи ходят, как у загнанной лошади.

ГОЛОСА. За что он его?

За рыбу... Помалкивай, тетка.

Забьет.

Кровопивцы.

(На голос заплакала баба, толпа загудела и придвинулась. Разгребая народ, к помосту пробирается подвыпивший Мамыка).

МАМЫКА. Стой... Стой душегубец.

ГОЛОС. Насмерть забьет.

Всю шкуру слушил.

Ахти вам, православные.

Всех переведут.

Рис. К. Гольштейна.

— Держись!

ГОЛОВА СТРЕЛЕЦКИЙ. (Мамыке) Эй, борода, не баламуть народ.

МАМЫКА. Я такой...

ГОЛОВА СТРЕЛЕЦКИЙ. Вижу какой.. Али сам захотел на кобылу лечь?

(Мамыка отталкивает голову стрелецкого и лезет на помост. Навстрочу ему шагнул палач, кнутом играл).

ПАЛАЧ. Куда прешь, неумытое рыло?

МАМЫКА. Не костери, ты меня не кормил.

ПАЛАЧ. Сойди прочь.

МАМЫКА. Силой не хвалюсь, а тебя не боюсь.

ПАЛАЧ. (Замахивается). Пыц.

МАМЫКА. Ударь, пощитай.

ПАЛАЧ. Держись.

(Бурлаки) быстро переговариваются меж собой, потом к купцу подходит гусак бурлацкий — Мамыка).

МАМЫКА. Мы работы не страшимся... Куски не в счет... Ты, хозяин, во всяк день два горячих варена нам выстави.

КУПЕЦ. Не постою.

МАМЫКА. Опять же, думай, не думай, а на холоду да в сырости без вина нам не вытерпеть.

КУПЕЦ. Не постою, ребяташки. Поживете за мной, как за каменной горой. Только уговор — ниги борзо, чин блюсти и не бунить.

УГРЮМ. Выстави нам во всяк день чарку отвалную, чарку причальную, да по большому праздникам и в холодные ночи по третьей чарке — для здоровья.

КУПЕЦ. В таком деле и не спорщик. Ведро на день выставлю — хощь пей, хощь лей, хощь окачивайся.

КОСТЫГА. Положь на путину по штанам да по рубахе, да на неделю по двое лаптей, да по семи рублей на голову за всю нашу службу.

КУПЕЦ. Не жирно ль, братцы?

ХУДЯК. Какое, бабюшка, жирно? Путина великая. Подумай-ка, где тверские-то земли? Посудина твоя гружена тяжело. До холодов пробурлачим, утрем поту, хлебом слезы...

КУПЕЦ. По семи рублей?.. Таких денег у меня и в заводе не бывало. Коли с трещины скинете по рублюку — с богом.

УГРЮМ. Побойся бога, Фрол Кузьмич... Мы тебе уважим, да и ты нас, твоя милость, копейкой не прижимай.

КУПЕЦ. Стоните, сударьки, не стоите, а из меня и гроша ломаного не выстоните.

(Мамыка и с ним еще несколько отходят, другие бурлаки еще теснее обступают купца и продолжают ридиться)

ГРИША ДОДАЙ. Ну, по шести рублей с полтиною.

КУПЕЦ. По три рублика на рыло. Да накинута вам на пропой по медному пятаку.

НЕЛЮБ. По шести рублей.

КУПЕЦ. Трещинца.

ДЕРИ-НОС. Пять с полтиной.

КУПЕЦ. Трояк.

ГРИША ДОДАЙ. Пять рублей.

КУПЕЦ. Трынка.

НЕЛЮБ. И по четыре не дашь?

КУПЕЦ. Не дам.

(Бурлаки переглядываются, почтуют)

ГРИША ДОДАЙ. (Хлестнув шапкою о землю, невесело выговаривает). Ох, где наше не пропадало. Плыть — так плыть. Давай, хозяин, гладь дорожку, выставляя угощенье.

О купцом в корню бурлаки натогой поначили в кабак. Окруженные стражей отстрелцкой бредут колодники — выпрашивают подаенье, под звок и гром кандалный со скорым причетом и завывом распевают...

КОЛОДНИКИ. Гнием мы и чагнем.

В стенах тюрьмы.
 Нае гложут и дупят
 Исчадия тьмы.
 Не виден закат нам,
 Не виден восход.
 Православные братья,
 Пожалейте спрот...

Кто бросит тюрьмам широк обкусанный, кто яблос-заедок, кто — чого. Приехавшие из дальних заволжских скитов молчаливые монахи толкаются в народе, выменивают товары на иконы и книги рукописные. В тени каменной церковной ограды на дорожных сумах отдыхают седые от пыли бездомники. Над костром в котелье булькает и пенится грязным паром шумлом — жиделькая кашница-размазня. Полунагой нескладный парень выжаривает над огнем шпеш из рубахи.

СТARIK. Сгинь, бесоязе, заврооспитут мне.

ПАРЕНЬ. Назаритоее будет, с говядиной (Ржет).

СТARIK. (Бьет его горячей мутковкой по голой спине. Парень с воем отскакивает, соскочив ногтями прикипев-

кры от слез.

КОСТРОМСКОЙ. (Пылью присыпает оопревшие язвы). Ногами вот разболелся, отстал от артели, затосковались мои ноженьки... Прошлым летом налетел в наши края белый червь, дотоле невиданный: сам гол, головка мохнатовенная, а похаж на мотыля. И такая-то его насунула тьма — ни реки, ни огни не сдержали. Обел червь шивы, траву в лугах, мох на болотах, листву древесную и итлы елные... Старого и малого страх ума обьял. Подняли мы иконы, раскрыли могилы праведников, кинулись строить церкви. За тяжкие преступления отвратил господь от нас лик свой. Земля почернела, деревья посохли, всякая ползающая и бегающая тварь сгибла, разлетелась птица... Осенью еще перебивались кое-как. У кого был запасец — под'едали липовый да рябиновый лист, древесную кору и молотую рыбью кость. Зима пришла и смерть с собой привела. Жрали кошек, собак и глину. Человеки, пощипывая кресты с шей, жрали человека. От голоду и морозу на улицах и по дорогам многие помирали, и некому было хоронить мертвых...

СТARIK. (Перекрестился). Отрасти. (Выхватив из огня котелок, зовет глазевшего на торг парня). Ешншка, шулом простынет.

ПАРЕНЬ. (Подходя и отвязывая от пояса большую обкусанную ложку). Простынет к завтрешнему в броче.

СТARIK. (Костромскому). Пододвигайся, похлебай с нами горяченького.

КОСТРОМСКОЙ. Спасет Христос. (Вывязывает из своего мешка окаменевшую ржаную горбушку, круто солит ее и вдыхает). Идем-бредем, концарю нет земли русской, а жить серому негде и не при чем. Хлеба много, а жевать нечего. Дивны дела твои, господи.

Рис. К. Гольштейна.

— Уж купчине Ядрешке слава...

Втроем припали над котельком. Со свистаньем и воплями плыется по торгу буйная ватажка окоморохов, глумцов, чудесников и смехотворцев. Бороды мочальные, маски лубяные раскрашенные, плетенные на соломе островерки колпаки и высокые наподобие боярских шапки. Гусляры на гусельках бречат, гудонники в гудки гудят, а дудонники на линовых да камышовых дудках выговоры выговаривают. Иные в сурьмы воют, иные в накры и бубен бьют, иные кувырканьем народ потешают. А вперед-то в поддеке-разлетайке, легок на ногу, прытывает и на губах подпрыгивает уклоний плясуюк Славак Ярец. Народ за позорами валом валет.

ГОЛОС. Рожа, то рожа.
 А во, рожа. Всем рожаи рожа.
 Хо-хо-хо, хо-хо-хо...
 Гляди, Сысой, вон того ровню черти троют.
 Свят, свят.
 Провальные.
 Ухваты ребята.
 Га-га-га.
 Дивовище, брат.
 Заскоружные руки разматывают
 вортанки, достают из-под штанив

ПАЛАЧ. Держись.

Кнут хлестнул, еще хлестнул и еще. Мамыка стоит недвижно. Посоченная в ленты пооконная рубаха сползает с его крутых плеч, хмельная улыбка блуждает на растерянном лице. Но вот он сердито засопел, маленькие сомининые глазки его блеснули, и вдруг, повернувшись к палачу, глухо выговаривает...

МАМЫКА. Будя.

ПАЛАЧ. Не пьешь. (Хлещет бурлака и по рылу, и по глазам, и по чему попало).

МАМЫКА. (Подшагнув, поймал своего мучителя за руку и, выломав ему руку в локте, кричит). Вей приказных.

ГОЛОСА: Вей.

Вей, чтобы не жили.
 На саблю да на пистолю — дубинки крестовы.
 (Мамыка, ухватив палача за ноги, бьет его с размаху головой о столб).

ГОЛОСА: Дай ему, ломи ребята.

Под напором многих плеч помест трещит и валится. Толпа несет, толпа ревет, смела толпа стрельцов и устремилась громить торашце. Из лавок летят, расплываваясь, легкие меха, сухой сукон, свляски сушеной рыбы и грибов. Пьяницы, будто по уговору, бросаются к кабакам, выкатывают на волю бочонки с зеленым вином и тут же, высадив дница, пригоршнями и шапками расчерпывают вино. Колодники торопливо сбивают камнями с ног деревянные колодки и железные окопы. Оразу там и сям загораются дома. Над городом взмывает сплошной звон. Ударил восточная пушка, гулкое эхо пошло разгуливать по горам. Ко двору воеводы сбегаются стрельцы, на ходу разматывая с ружейных замков просаленные тряпки.

МАМЫКА. На Волгу (Бежит к берегу, унося на руках стонущего, засеченного в полусмерть мужика).

ГОЛОС. На Волгу.

ГОЛОСА. На Волгу.
 По стругам.
 Шарла...
 (За Мамыкой бегут бурлаки, колодники, арьяки, кабацкие, бедомики и побродимые гулящие).

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

★ Известные мемуары старого большевика-рабочего А. Шаповалова, переведенные на немецкий язык и изданные в Берлине в двух томах («По дороге к марксизму» и «Незаконная работа»), продолжают привлекать к себе внимание немецкой критики. С. Кракауер посвящает им большую статью в газете «Франфуртер Цейтунг» и рекомендует книгу Шаповалова немецким читателям, которые найдут в ней исключительный материал для характеристики предисторического периода русской революции.

★ К 15-летию Красной армии ГИХЛ выпускает репертуарную газету «Переконь». В газете будут помещены пьесы: «Два поколения» И. Всеволожского, «Чен-Де-Ю» В. Квасницкого и др.

К 50-ЛЕТИЮ СМЕРТИ ВАГНЕРА

В связи с исполняющимся в этом году 50-летием со дня смерти Рихарда Вагнера в Байрете открывається выставка рукописей знаменитого композитора. Вагнер широко и в большом количестве дарил свои манускрипты друзьям и поклонникам. Когда жена Вагнера начала собирать рукописи своего мужа, они оказались рассеянными по всему миру. Путем больших усилий к сегодняшнему дню удалось собрать значительное количество этих манускриптов, которые в Байрете впервые будут показаны публике.

На выставке будут демонстрироваться партитуры Вагнера, его черновики, его поэтические и музыкальные заметки, письма и т. д.

2-ое исправл. и дополи. над романа в начале февраля выходит в Издательстве моск. т-ва писателей (иллюстр. худ. Д. В. Дарана).